

П. Е. Бухаркин.

Место литературной культуры XVIII века в истории русской литературы. Возможности макроисторической периодизации литературы XVIII века.

I. Пожалуй, два подхода к периодизации литературной истории XVIII века ощущаются особенно отчетливо. Первый можно определить как более глобальный. Он предполагает взгляд на литературное наследие XVIII века в контексте всей истории русской литературы; это, так сказать, подход внешний, когда исследователю в первую очередь интересно место XVIII века в развитии русской культуры в целом, его роль и значение в литературной эволюции. При таком ракурсе наблюдения литературная жизнь XVIII века распадается скорее всего на два этапа, соответствующих двум половинам столетия (как это было в периодизациях Г.П.Макогоненко и И.З.Сермана, относящихся именно к данному типу). Начальный этап точнее всего может быть квалифицирован как завершение сложного и растянутого во времени перехода от традиционной средневековой словесности, какой была книжность Московской Руси ко второй трети XVII века, к литературе Нового Времени. В понятиях и выражениях современной гуманитарной мысли данный период следовало бы обозначить как Раннее Новое Время¹. Он неразрывно связан с концом XVII столетия и при всех отличиях от него составляет с ним сложное целое, возможно двуединое, но трудно разложимое. Тут кстати вспомнить, что многие исследователи, обращавшиеся к этому времени, видели в нем если не историческое (реформы Петра I, конечно, отделяют в государственно-политическом отношении начало XVIII века от царства первых Романовых), то культурное, прежде всего литературное двуединство² – действительно, литература, из-за

¹ Общую характеристику литературной жизни в этот хронологический отрезок, содержательную и полную по возможностям современной филологии – см.: Сазонова Л. А. Литературная культура России. Раннее Новое Время. М., 2006. Правда, она ограничивает данный период по существу второй половиной XVII века.

² Из относительно недавних обобщающих работ здесь показателен первый том четырехтомной «Истории русской литературы»; подготовленной ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, где петровское время рассматривается в части, посвященной древнерусской литературе, как завершающий ее этап. См.: История

своей языковой природы всегда упорнее других искусств сопротивляющаяся модернизации (о чем пойдет речь во второй главе), в то время сохранила крайне тесные связи с предшествующими десятилетиями. В связи с этим верхняя хронологическая граница XVIII века отодвигается почти на пятьдесят лет назад, к середине XVII столетия.

По существу та же проблема возникает и применительно к завершающему XVIII век периоду, второй его половине – а где завершается она? Очевидно, что 1801 год не обрубает динамично протекавших в то время процессов, связанных, во-первых, с выдвижением литературы в центр общественной жизни (как полагал И.З. Серман), во-вторых, с постепенным формированием нового литературного быта (возникновение литературных кружков и журналов, появление литературной критики – пусть и в специфическом виде, коммерциализация литературной жизни и т.д.). Это созидание нового типа литературной культуры заканчивается, пожалуй, лишь в 1830-ые годы, когда к тому же формируются новые языковые нормы и происходит окончательный распад риторической словесности, основанной на рефлексивном традиционализме, т.е. на сознательной ориентации на традиции, на следовании образцам, на реализацию в непосредственном словесном творчестве созданных при помощи дедуктивного рационализма отвлеченных моделей, например, жанра. Не следует ли довести нижнюю хронологическую границу XVIII века именно до этого времени, до пушкинской эпохи³? Тут уместно вспомнить, что пушкинское поколение оказалось пограничным как раз в сохранении живого литературного предания минувшего столетия. Для А. С. Пушкина, тем более для П. А. Вяземского, или для М. А. Дмитриева авторы XVIII века (речь идет,

русской литературы в 4-х томах. Т. 1. Древнерусская литература. XVIII век. Под. Д. С. Лихачева и Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 408-445. Из классических работ можно назвать, например, Tschizewskij D. History of Russian Literature from the Eleventh Century to the End of the Baroch. S'Gravenhage, 1960, в которой средневековая русская литература рассматривается вплоть до М. В. Ломоносова включительно, фактически не затрагивая петровскую эпоху, тем более вторую четверть XVIII века.

³ Например, Г. П. Макогоненко в чрезвычайно характерной для него книге «От Фонвизина до Пушкина» (Л., 1969), анализируя как раз второй из выделяемых им самим периодов истории русской литературы XVIII века – его вторую половину, правда, видя ее не в ракурсе идеологии («Эпоха Просвещения»), а в ракурсе художественного метода (зарождение реализма), неизбежно вышел за хронологические пределы XVIII века в первую треть XIX.

естественно, о второй его части) – старшие, но современники. Их литературная продукция в глазах пушкинского круга устарела, но вовсе не потеряла живого своего наполнения, не стала архаичным прошлым. И такое отношение свойственно первой четверти (а возможно, и первой трети) XIX века в целом, разделение литераторов на архаистов и новаторов, предложенное в 1920-ые годы Ю. Тыняновым, их отношение к XVIII веку в том смысле, который здесь подразумевается, не затрагивало – оно оставалось общим. И архаисты, полагавшие, что дальнейшее литературное движение должно исходить из наследия XVIII столетия, и новаторы, призывавшие к обновлению и перестройкам, ощущали непосредственное присутствие этого наследия в современном им культурном движении (достаточно вспомнить В.А. Жуковского и, тем более, К.Н. Батюшкова). А вот для людей 1840-х годов, для В.Г. Белинского, А. И. Герцена, для М.Ю. Лермонтова оно уже безнадежно устаревшее прошлое, не имеющее никакого насущного значения для литературной жизни. Культурного предания о минувшем времени они не сохранили, XVIII век для них – предмет исторического лишь внимания и отстраненного изучения (без всякой попытки вникнуть в его логику, дух, манеру)⁴.

II. Итак, при глобальном, макроскопическом подходе к литературе XVIII века назвать её так – литературой XVIII века – можно лишь условно. Сократить же, ужать в привычные хронологические рамки одного столетия выделяемые в рамках этого подхода два большие периода вряд ли возможно. Впрочем, это не должно пугать – подобное понимание границ интересующей нас литературной эпохи, безусловно, имеет право на существование. Ведь период второй половины XVII – первой трети XIX веков вполне можно

⁴ Об этом как-то говорил – имея в виду судьбу литературного наследия А. Н. Радищева – В. Э. Вацура на одном из заседаний сектора (в то время – группы) по изучению литературы XVIII века Пушкинского Дома. Не могу не вспомнить в этой связи его имя, - ученого не просто глубоко и остро исследовавшего, среди прочего, те или иные стороны литературного процесса рубежа XVIII – XIX веков, но, главное, с подлинным уважительным пониманием относившегося к той эпохе и тонко чувствовавшего её. Если же обратиться к высказанным им мыслям, то они применимы к репутации не одного Радищева, но и к его современникам – как старшим, так и младшим.

описать именно как один определенный этап в истории русского самосознания, русского языка и русской литературы – принципиально важным здесь оказывается тот убедительный факт, что все эти три определяющие плоскости национальной жизни дают для этого основания. В течение времени, замкнутого его границами, происходит секуляризация и европеизация культурной жизни (данные процессы настолько тесно переплелись, что почти невозможно их разделить, да и вряд ли стоит это делать), в результате чего формируется «верхняя», элитарная культура, ранее отсутствовавшая. Восточнославянская мысль вбирает в себя европейскую риторическую традицию, благодаря чему Россия переживает, вместе с другими европейскими народами, закатный век классической риторики. Усвоение риторики приводит и к другому кардинальному сдвигу в организации словесной культуры – слово постепенно утрачивает свой символический характер и начинает двигаться по направлению к знаку: ослабевают строгая и неразрывная связь между внешней формой слова и его смыслом, отношения между означающим и означаемым приобретают привкус конвенциональности. Этот крайне существенный процесс был достаточно длителен, не следует, как это делали А.М. Панченко и Р. Лахманн⁵, ограничивать его второй половиной XVII века; символический компонент в семантической структуре русского слова, по мнению некоторых филологов, для нее всегда очень важный⁶, во всяком случае до середины XVIII столетия не просто ощутим и может быть обнаружен посредством анализа, он отчетливо воздействует на литературную жизнь, определяя, в частности, стилистические разногласия В. К. Третьяковского, М.В. Ломоносова и А. П. Сумарокова. Собственно говоря, понимание культуры как состязания, проникшее в русское художественное сознание одновременно с барокко, возможно лишь в случае напряженного противоборства символического и конвенционального отношения к слову:

⁵ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Лахманн Р. Демонтаж красноречия: Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2000. С. 22–44.

⁶ Эту идею, в частности, отстаивает В. В. Колесов во многих своих работах.

конвенциональный подход делает возможной саму идею выражения одного и того же смысла в разной словесной форме, символизм же дает основания для сравнения и оценки достигнутых результатов – именно благодаря ему сохраняется (пусть и в смазанном виде) некая аксиологическая ось, общая для различных способов словесного воплощения того либо другого смысла, позволяющая их сопоставить и выявить «победителя». Состязание же между литераторами были важным фактором литературной культуры вплоть до середины XVIII века. В хронологические рамки второй половины XVII – первой трети XIX веков как раз укладывается и формирование нового – русского – литературного языка: конец XVII столетия ознаменован, возможно, последней попыткой церковнославянского языка сохранить свое доминирующее положение в речевой культуре русского общества, ставшего на путь модернизации (литераторы барочного толка культивировали прежде всего церковнославянский язык), но модернизация эта оказалась столь поспешной (чтобы не сказать суетливой), что уже в начале XVIII века обнаружилась необходимость в новом языке: «Новая культура должна была создать себе новый язык, отличный от традиционного»,⁷ – пишет по этому поводу В. М. Живов.

Наконец, во второй половине XVII – начале XIX произошла смена культурной парадигмы – вероятно, самая значимая в истории русской словесности – русская литературная культура, прежде игнорировавшая античность как базовое начало своего культурного движения, переходит в античную культурную парадигму, т.е. воспринимает античность как свой собственный культурный исток и определяющую дальнейшее движение художественную основу. Начинается этот эпохальный переворот во второй половине XVII столетия; к середине XVIII столетия можно уже говорить об органичном усвоении русской словесностью античных культурных традиций как порождающего её начала (особо велика в этом отношении роль М.В. Ломоносова); однако окончательное завершение процесс рецепции

⁷ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 73.

античности находит опять-таки в пушкинское время, когда его факт был, так сказать, отвлеченно-теоретически осознан русским литературным сознанием: увиден, осмыслен и принят, что отразилось в деятельности Н.И. Гнедича, позднего В.А. Жуковского, в антологической лирике А.С. Пушкина и т.д.

Конечно, выделенные выше особенности литературной культуры второй половины XVII – первой трети XIX веков далеко не исчерпывают её многообразия и характерности, но они позволяют выделить это время как отдельный период истории русской культуры, в частности потому, что протекают именно в его временных пределах и обнаруживаются в разных плоскостях духовно-интеллектуальной жизни русского народа.

III. При выявлении в литературной жизни предельно широко понимаемого XVIII века двух больших периодов особую важность приобретает вопрос о границах между ними. Можно предложить несколько его решений, и каждое из них, опирающееся на историко-культурные факты и поддерживаемое достаточно весомыми аргументами, имеет определенные права на существование в науке. Но наиболее адекватным представляется следующее решение данной проблемы: граница между двумя этапами развития литературной культуры XVIII века время пролегает, скорее всего, между М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым.

Данное предположение может вызвать естественное недоумение – Ломоносов и Сумароков тесно связаны между собою, они – вначале соратники, затем яростные соперники, так или иначе учитывающие литературные достижения друг друга (особенно это относится к Сумарокову); они – современники (в точном смысле слова: Ломоносов родился в 1711 году, Сумароков – в 1717); оба отчетливо европеизированы и мало учитывают старую литературную традицию, присутствующую в творчестве и А.Д. Кантемира, и В.К. Тредиаковского (впрочем, этот факт не следует чрезмерно преувеличивать), оба, наконец, прежде всего силлаботонические поэты, серьезные их силлабические стихотворные опыты

неизвестны. Казалось бы, они отражают один этап литературного развития, а не стоят по разные стороны границы. И все-таки подобное представление имеет под собой весьма солидное основание. Оно состоит в следующем. Ломоносов – и как кажется именно он – действительно замыкает собою первый этап переходного периода от средневековой книжной культуры к литературе нового времени, каким является эпоха второй половины XVII – начала XIX веков. Существо этого этапа заключается во *внешнем* переходе от традиционного уклада древнерусской книжности к европеизированному литературному быту: за семь-восемь десятилетий словесность освоила и античность, и новые литературные жанры, и силлабо-тонику. Своим обликом она во многом уже начинает напоминать европейские литературы, постепенно становящиеся её собратьями по словесному искусству. Ломоносов знаменовал завершение этих процессов, в нем поэтическая стихия, может быть, впервые внутренне организовалась – появление в 1739 году «Хотинской» оды (ее полное позднейшее название «Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года») означала появление в России подлинного европейского поэта (европейского в смысле эстетического уровня поэтических его текстов). Этот исторический момент прекрасно изобразил Л. В. Пумпянский своим метафорическим и темным, но глубоко содержательным – историософским и филологическим одновременно – языком: «Чтобы понять происхождение гениального дела 1739 года (имеется в виду появление «Хотинской» оды), надо вообразить ту первую минуту, когда восторг перед Западом вдруг (взрыв) перешел в восторг перед собой, как западной страной. Это было второе откровение в новой истории русского народа: 1) есть Европа, и её величие неоспоримо, как солнце, 2) есть величие России, и притом то же. Следовательно, о д н и м восторгом можно исповедать и Европу и Россию!»⁸ Русская культура узрела в себе культуру европейскую – об этом через 14 лет после Пумпянского писал другой

⁸ Пумпянский Л.В. К истории русского классицизма // Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 54.

сочувственник и продолжатель классической традиции – Владислав Ходасевич:

Из памяти изгрызли годы,
За что и кто в Хотине пал,
Но первый звук Хотинской оды
Нам первым криком жизни стал.

В тот день на холмы снеговые
Камена русская вошла
И дивный голос свой впервые
Далеким сестрам подала⁹.

Но сыграв такую ключевую роль в истории русского самосознания, Ломоносов остается в предыдущем периоде: его поэзия свидетельствует о завершенности первого этапа вхождения в европейское литературное сообщество, но в новое пространство, которое его словесное дело непосредственно подготовило, показав обретенное русской литературой за столетие, он сам не вступил. В современной ему европейской литературе он – своего рода анахронизм. Не уступая своим калибром великим европейским поэтам, Ломоносов, однако, трудно представим в ряду его современников. Скорее он связан с предыдущими поколениями, и не только как поэт, но и общим складом предельно разносторонней своей личности. Думая о нем, вспоминаешь Ф. Малерба, Ж.-Б. Руссо, Фр. Фенелона, И.-Х. Гюнтера, его учителя Хр. Вольфа, если же перейти в среду исторической типологии, то и английских метафизических поэтов, И. Ньютона, Б. Спинозу. А к середине XVIII столетия эти фигуры связаны уже с ушедшим в прошлое этапом европейской культуры. Своим архаизмом Ломоносов очень близок к В.К. Тредиаковскому, к А.Д. Кантемиру, и в этом отношении между ним и Сумароковым – пожалуй, пропасть. Тут же стоит вспомнить неприятие

⁹ Ходасевич Владислав. Стихотворения. Л., 1989. С. 302 (Б-ка поэта. Большая серия. Изд.3-е)

Ломоносовым Г.-Ф. Миллера – за этим стоит не только личностное недоброжелательство, но и конфликт двух типов подхода к историческому материалу – старое, барочное и новое, уже несущее в себе просветительские идеи. Да и одический мир Ломоносова ближе к европейской поэзии XVII, даже XVI веков, нежели к середине века XVIII, что, кстати, отмечал уже Л.В. Пумпянский, указывая на угасание европейской одической традиции к ломоносовскому времени¹⁰. Среди Дж. Томсона, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, Л. Гольберга, тем более Л. Стерна или С. Ричардсона Ломоносову было бы как-то неуютно – их современник (иногда, как в случае с Л. Гольбергом, значительно младший), с точки зрения исторической типологии он представляет предшествующие им этапы развития европейского культурного сознания.

После Ломоносова ситуация резко меняется. А.П. Сумароков, тем более следующие поколения русских литераторов оказываются со своими европейскими сотоварищами вполне соотносимы (в смысле хронологического параллелизма), их всех волнуют одинаковые проблемы; чем дальше, тем менее ощутимы разрывы между русской и европейской литературами. Очень важно и то, что «европейскость» русской культуры и, одновременно, вопрос о сохранении её самобытности стал предметом сознательных построений многих русских писателей¹¹ – русская мысль пытается оценить саму себя, свое собственное развитие, что приводит на своем пути к «Письмам русского путешественника» а, с другой стороны, к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина¹² и находит свое *художественное* завершение в творчестве А.С. Пушкина.

Меняются и механизмы, определяющие общее движение культурной жизни: развиваются журналы, литературные кружки и т.д., а главное –

¹⁰ Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма. С. 54.

¹¹ См., например, Серман И. З. Литературное дело Карамзина. М., 2005; Гончарова О. М. Власть традиций и «Новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. СПб., 2004. Эти проблемы затрагивались и в ряде работ Г. П. Макогоненко 1950-1970 годов.

¹² Об оппозиции Россия – Европа в «Письмах русского путешественника» см.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.1984. С. 525–606.

возникает общественное мнение, формирующееся благодаря Просвещению. В известной мере прав был Г.П. Макогоненко, определяя вторую половину XVIII века как эпоху Просвещения; с просветительским пафосом той поры связано и осознание литературы как одного из центров общественной жизни. Все это и делает данное время новым этапом – но в границах переходного периода: несмотря на все новации, черты, присущие эпохе в целом, и в эти десятилетия очень ощутимы – они отчетливо отделяют литературную жизнь XVII – начала XIX веков от новой русской литературы в строгом смысле слова. О некоторых особенностях уже шла речь, к сказанному выше добавим, что при всем расшатывании риторики, риторические принципы по-прежнему определяют ведущие литературные тенденции второй половины XVIII – первой трети XIX веков. А ведь эксплицированная риторичность как раз и является одной из самых характерологических особенностей литературной культуры второй половины XVII – начала XIX веков. До середины XVII века эксплицированная риторика в русской культуре отсутствовала¹³; в послепушкинскую эпоху её значение крайне уменьшается, и она перестает быть весомым фактором словесного существования.

¹³ См.: Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001. С. 5-44.